

МАВР

12+

Михаил Белокосков

Михаил Белокосков

МАВР

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Белокосков М. С.

МАВР / М. С. Белокосков — «ЛитРес: Самиздат», 2021

В попытках покорить космос и дотянуться до самых удаленных уголков Солнечной системы человечество годами оставляло за собой множество артефактов – исследовательских модулей, машин, станций. Которые замирали по истечению срока службы немymi памятниками инженерной мысли и неудержимому стремлению Человека к познанию. Но к середине 21го века человечество так и не переселилось с Земли на другие планеты. А предыдущие попытки и победы стали забываться новыми поколениями, которые имели новые интересы и жизненные цели. Для многих людей фактические полеты на Луну или Марс превратилась в еще удивительные, но легенды, обросшие сплетнями и "неточными сведениями". В эту книгу вошел рассказ о группе инженеров-энтузиастов, которые решили вернуть людям память о выдающихся комических путешествиях из недавнего прошлого. Отыскать артефакты, оставленные на других планетах, и дополнительно превратить свои поиски в удивительное телевизионное шоу, чтобы привлечь внимание к истории.

© Белокосков М. С., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Михаил Белокосков

МАНВР

С легким небесным звоном двери Роскосмоса раскрылись, и из них стремительно вышел невысокий хмурый человек в клетчатом костюме, на мгновение остановился, посмотрел под ноги, потом вверх, перед собой и уверенно зашагал вперед.

Следом вышел еще один человек, повыше ростом и в кожаной потертой куртке. За ним двери сомкнулись, снова издав мелодичный перелив, как бы извиняясь на прощание за неудавшиеся переговоры.

– Миша, стой... Но ответ же был очевиден, – окликнул высокий. Он смущенно улыбался, догоняя клетчатый костюм.

– Ничего, решим и эту проблему, – тихо ответил Михаил, не оборачиваясь и не сбавляя шаг. – Пожалуй, я даже знаю как...

– Я думаю, нам нужно еще раз обратиться в JAXA или Rocket Lab. Возможно, мы сумеем найти доступный финансовый вариант, если дособерем средства и получим предварительную поддержку телевизионщиков. Обратимся еще раз к инвесторам, а дальше посмотрим.

Михаил неожиданно развернулся и сделал шаг навстречу. Оба остановились.

– Нет, Саша, если мы не полетим сейчас, дальше уже ничего не будет, – он внимательно смотрел Саше в глаза. – Если сейчас упустим момент, то дальше идею либо скинут в долгий ящик, сочтя слишком амбициозной, либо появятся те, у кого будет достаточно средств и возможностей, и мы окажемся в жесткой конкуренции и опять без средств. И вот тогда мы потеряем самое ценное, что у нас есть сейчас – нашу репутацию, а вместе с ней и всякую поддержку. Нет, нам нужно лететь именно сейчас, пока все на подъеме и пока все верят в чудо, то есть в нас и наш энтузиазм.

Заморосил мелкий дождь. До парковки оба прошли молча.

Садясь в машину, друзья не заметили, как за их спиной в утреннем намокшем воздухе вдруг родилась радуга. Она выскочила из Патриарших прудов, оттолкнулась от общежития консерватории, пробежала по циркулю гостиницы Космос, отразилась ломаной кривой в шпилях семи высоток, слегка подсветила окна опустевшего Газпрома. Потом ухватилась в зените за причудливый вымпел на центральной башне Роскосмоса и, как с трапеции, сделав сальто, стремительно ринулась вниз в нутро гигантского мегаполиса, как человек паук, отскакивая от зеркальных башен Москва-сити, опускаясь все ниже и ниже к офисам и магазинам, жилым кварталам, старому Арбату, и внезапно уперлась в самом конце в непроницаемый фасад Министерства обороны – главного и неизменного оператора всех российских космодромов.

***

Шесть месяцев назад Михаил пришел на встречу с друзьями в небольшое уютное кафе на Бауманской. По четвергам и ближе к вечеру здесь играли живой блюз, и запах крафтового солода и жареных бараньих ребрышек недвусмысленно намекал поделиться чем-нибудь сокровенным. Это была встреча инженеров-энтузиастов – создателей первого в истории России краудфандингового спутника Маяк, запущенного двумя годами ранее с космодрома Байконур, разработанного и произведенного за счет нескольких успешных краудфандинговых кампаний.

Последнее время друзья встречались редко. После Маяка общей идеи для сохранения команды быстро найти не удалось, и каждый занялся своими проектами. Для некоторых это оказалось весьма полезным, потому как теперь они получили возможность самореализовываться в соответствии с собственным представлением о методологии ведения проектов и самостоятельно ставить себе цели и задачи. Но каждый раз, собираясь теплой компанией, друзья

трепетно делились друг с другом своими достижениями и проблемами и нет-нет да и приглашали присоединиться к совместной разработке то замкнутых биомов для поддержки жизнедеятельности, то серийного производства школьных микро-спутников, то просто установок для стратосферного туризма. Постепенно участники Маяка так и перераспределились между несколькими подобными проектами, образовав новые «могучие кучки» и снова перемешав старых и новых энтузиастов, как когда-то случилось на заре рождения Маяка.

Тем вечером Михаил ел вяло и мало. Со сцены играл Альберт Кинг, и Михаил, задумчиво вслушиваясь в мелодию, кивал в такт, иногда односложно, но утвердительно отвечая на вопросы разгоряченных спором коллег. Было видно, что он усиленно над чем-то размышляет. Друзья же обсуждали перспективы применения старого скафандра Сокол, подвешенного к стратостату, на высотах выше 20 км. На тестах в барокамере скафандр нещадно травил. Надо было выяснить, до какого приемлемого уровня нужно довести герметичность конструкции, чтобы обеспечить время жизни туриста в разреженной атмосфере хотя бы в районе 20 минут.

– Мишаня, а ты что думаешь? – спросил Александр, обновляя Михаилу янтарное содержимое бокала.

– Нужно брать бочку, – кивнул Михаил.

– Бочку?!

– Да. Туриста в Сокол, Сокол в бочку, бочку к шару. И бочку заварить.

– !?

– Пока в бочке будет «земное» давление, скафандр травить не будет.

Вдоль стола пробежало неодобрительное фырканье. Авторы проекта были уверены, что образ гуманоида в скафандре под искусно разукрашенным стратостатом, как фигура Человека, побеждающего гравитацию, пространство и время, имеет большой коммерческий потенциал, нежели образ летящей в никуда бочки с замурованным в ней покупателем. Маркетологи начали наперебой приводить примеры успешного дизайна из мировой истории, подтверждающие первичность UI/UX для коммерческого успеха продукта.

– У меня вот еще какая идея есть, – Михаил достал карандаш и потянулся за салфеткой.

Он часто рисовал на салфетках разные замысловатые идеи на таких вот посиделках с друзьями, за что Александр над ним по-доброму посмеивался, сравнивая с героями фильма «Девять дней одного года». По сюжету фильма, как раз за таким вот банкетным столом физик-теоретик Николай Иванович рассчитывал на салфетке физику-романтику Валерию Ивановичу, сколько потребуется самого современного ракетного топлива для путешествия человека на пятьсот световых лет вперед. Расчеты приводили физика-романтика к пониманию, что требуемая масса топлива слегка превышает массу Земли и пожеланию физиком-теоретиком «Счастливого пути!».

Михаил тщательно разгладил салфетку и начал рисовать. Он не был профессиональным художником и к тому же имел одну особенность: иногда кончик его карандаша, тщательно прорисовывая одну деталь, вдруг перескакивал на соседнее пустое место на листе и начинал рисовать другую деталь, которая должна была быть в последствии объединена с первой. Результат не всегда собирался в единый однородный механизм, и соединительные линии деталей оказывались сильно искаженными, нарушая целостность всей картины. Сам Михаил использовал эту особенность графического изложения мыслей как оценку качества проработки идеи, и если механизм «не собирался», то это значило, что нужно было подумать еще.

В этот раз карандаш никуда не перескакивал. Сначала на бумаге появилось несколько кубиков, которые объединились в некое подобие шахматной доски со сторонами 4x5. Потом снизу к доске присоединились конусообразные колеса, по три с каждой стороны, на торсионной подвеске, как у танка. Сверху выросла вертикальная штанга с двумя окулярами, а пунктиром изобразилась та же штанга, но в лежачем положении, когда окуляры аккуратно входили внутрь двух передних кубиков. Таким же образом появилась слегка выпуклая, состоящая из

треугольных полигонов крышка, покрытая изнутри солнечными батареями, которая раскрылась на две половинки,

Ничего кардинально нового в изображении не было – на салфетке красовался в перспективе типичный луноход или марсоход, объединяющий черны одновременно первого советского Лунохода и американского Спирита.

– Ну, и что это? – улыбаясь спросил Александр.

– МABP.

– МABP?

– Модуль Аудио Визуальной Регистрации. Можно добавить «Универсальный, Межпланетный», тогда получится «МABPUM», но лучше просто МABP.

– Угу, а почему он из кубиков? – поинтересовался Денис, автор проекта Сокола на воздушном шаре.

– Это посадочные места для кубсатов.

– Для кубсатов? Он что, будет их отстреливать, пока летит?

– Нет, он будет нести их на себе во время миссии, как оборудование сторонних производителей.

– А зачем оборудование делать в виде кубсатов, когда можно расположить его внутри корпуса, и за счет компоновки более эффективно использовать доступный объем?

– А зачем, по-вашему, вообще придумали формат кубсата? Затем, чтобы стандартизировать габариты стороннего оборудования в составе полезной нагрузки ракет-носителей, унифицировать установку. Контейнеры специальные создали, сертифицировали, «гост» международный выпустили, чтобы на любую ракету их ставить и внутрь закладывать однотипные по габаритам изделия. К чему это привело? К всплеску производства кубсатов – небольших научных приборов, институтами, школами, коммерческими организациями и просто частными командами разработчиков, вроде нас с вами. Потому что спецификация на кубсаты проста и понятна любому инженеру: разместить свою начинку внутри кубика 10x10x10 см, выдержки некоторые требования по безопасности и можешь лететь на ближайшей ракете. Когда у нас ближайшая? – Михаил посмотрел на часы. – Ага, в конце марта. Отлично! Дайте, пожалуйста, билетик на третье место от выхода.

Михаил обвел взглядом присутствующих за столом и показательно опустил руку с часами.

– Раз кубсаты вообще производятся, и этот формат стал как нельзя востребованным для малых орбитальных аппаратов, нет причин чтобы эту концепцию не перенести на наземную исследовательскую технику, колесную или крылатую, например.

Возражений не последовало, но и энтузиазма в глазах друзей Михаил не наблюдал, поэтому продолжил рассуждение.

– В конце концов, стандартизированные габариты дополнительного оборудования будут способствовать расширению клиентской базы для исследовательской платформы. Ведь по сути дела МABP – это платформа для работы на поверхности, которую заинтересованные компании и разработчики смогут использовать для доставки и функционирования своих приборов в удаленные уголки нашей солнечной системы. Естественно, я говорю про уголки с твердой поверхностью.

За столом началось брожение. Идея проекта была в принципе понятна, но очевидные сложности в реализации по-прежнему не вызвали энтузиазма и поддержки. Взять хотя бы то требование, по которому действительно универсальная и серийная платформа должна была бы одинаково хорошо функционировать как в условиях сверхвысоких температур и кислотной среды Венеры, так и в ледяных снегах Титана.

– Но это на самом деле не главная задача платформы, – вдруг продолжил Михаил. – Точнее, не основная.

Коллеги замолчали и недоуменно посмотрели на него.

– То есть я хочу сказать, что услуга по предоставлению места на борту аппарата для сторонних приборов это не основная услуга, которую, если так можно выразиться, производит данный аппарат. В первую очередь, это именно модуль для сбора аудиовизуальной информации. Простой, надежный, не обремененный разными спектрометрами, сверлами, радиометрами и контейнерами для грунта. Только хорошая камера, микрофон и широкий канал связи. А места под кубсаты на борту – это приятный бонус для заказчиков, если им вдруг понадобится сверло, щуп, объектив пошире и прочее.

Михаил выдержал короткую паузу, и продолжил раньше, чем кто-то успел возразить или задать очередной вопрос.

– Основным коммерческим продуктом, который будет производить данный аппарат, будет Время.

– В смысле «Время»? – переспросил Александр, который сидел ближе всех.

– Эфирное время. Представьте себе группу камер на внедорожной платформе, рассеянную по Солнечной системе. По одному зоркому глазу в самых интересных для человечества местах, который все видит, все замечает и первым протискивается в самые узкие щели, подготавливая информацию для будущих первопроходцев в скафандрах. И все это в on-line, в прямом эфире! В prime-time!

Друзья, поддерживаемые в напряжении уже длительное время нескончаемым монологом, облегченно выдохнули. И без того неоднозначная идея окончательно приобрела фантастическую форму и позволила наконец расслабиться.

– Мишаня, после Маяка я бы предпочел заняться чем-то, более коммерчески определенным и приносящим реальный доход, – улыбнулся Александр. – А в твоей идее слишком много неопределенностей, кто будет покупать это «Время», кто будет делать кубсаты, откуда брать перед этим всем средства на разработку и производство?

– Но ведь вы смотрите Discovery Channel? – мягко возразил Михаил?

– Я не смотрю телевизор.

– Хорошо, а научно-популярные фильмы смотришь? Фильмы BBC, про птиц, например, хотя бы в записи?

Александр утвердительно кивнул.

– Ну вот представь, что такой фильм будет идти в on-line – будет идти в виде стрима! И не про слонов или птиц, а про поиск артефактов, оставленных десятки лет назад гением технической мысли человека на других планетах. Представь, что ты находишь, сидя на своем уютном диване, Марс-2 – первую станцию, достигшую поверхности Марса, или обломки Венеры-4, раздавленной атмосферным давлением Венеры! Находишь уткнувшийся в дно кратера советский Луноход! Первый след Нила Армстронга и место посадки первого человека на Луне! Находишь все то, что человечество уже стало забывать, и молодежь воспринимает пока еще как правдивую, но все-таки уже сказку, окутанную местами домыслами и «вселенскими заговорами» вокруг страны, которой уже нет. А я хочу предложить простой инструмент для возвращения сказки в реальность, которая всегда будет вот здесь, – Михаил хлопнул по смартфону, лежащему на столе. – прямо на твоём экране в режиме реального времени.

Теперь тишина воцарилась во всем кафе. Когда эмоции брали верх, голос Михаила переходил на запредельные децибелы, как и положено бывшему солисту детской хоровой студии.

– Вот это и будет медиаконтент, который будет производить МАВР – его основной коммерческий продукт, – уже тише закончил мысль Михаил, обводя посетителей кафе и официантов искренним взглядом, просящим прощения. Посетители с пониманием кивали в ответ и возвращались к своему досугу. Чак Берри сменил Альберта Кинга, и атмосфера кафе снова вернулась в расслабленное вечернее состояние.

Обычно в такие моменты Александр легко похлопывал друга по плечу и просил быть потише, но в этот раз Александр сам попал в состояние аффекта, представляя как танкетка с камерой медленной подъезжает к застывшему на склоне кратера «Луноходу-2», безмолвному, величественному, но не имеющему сил связаться с такой близкой и одновременно далекой голубой планетой, поднимающейся из-за горизонта все выше и выше в черное небо над безжизненной равниной Моря Ясности, залитой, как лавой, испепеляющим солнечным светом и радиацией.

– Да, Миша, тебе бы рассказы писать... – проговорил он и обновил бокалы.

Друзья улыбались, несколько человек высказали свое критическое мнение, но разговор плавно переходил на другие темы. Было видно, что сегодня серьезно обсуждать транспланетный медиапроект коллеги не готовы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.